

ТАЙПИ

ГЛАВА 1

Шесть месяцев в море! Да, читатель, я живу, за шесть месяцев так и не увидев земли; под палящим солнцем в широком тихоокеанском небе, море вокруг, и ничего больше! Многие недели назад наши запасы свежей провизии были исчерпаны. Нет ни сладкого картофеля, ни ямса. Славные связки бананов, которые когда-то украшали нашу корму и шканцы, тоже — увы — исчезли! И апельсины — они тоже закончились! Да, все закончилось, и осталась только солонина и сухари.

Моряки из офицерской каюты поднимают шум из-за четырнадцатидневного перехода через Атлантику, так переживают из-за лишений и трудностей на море... Целый день они завтракают, обедают — обед из пяти блюд! — болтают, играют в вист, пьют шампанское в каютах, отделанных красным деревом и кленом, спят по десять часов, ни о чем не заботясь, и «эти бездельники матросы, которые шумят и топают над головой!»! Что бы они сказали, если бы, как мы, шесть месяцев не видели земли?

О! Если бы увидеть хоть одну травинку, вдохнуть запах глинистой земли! Разве нет ничего свежего вокруг

нас? Разве нет зелени? Да, наш борт с внутренней стороны окрашен зеленым; но это такой мерзкий, болезненный оттенок... Даже кору древесины, которую мы использовали для топлива, сожрала свинья капитана — да и эта свинья в свою очередь была съедена.

В курятнике остался только один жилец — молодой задиристый петух. Но посмотрите на него сейчас. Вот он стоит, хандрит весь день, вечно на одной ноге. Он с отвращением отворачивается от заплесневелого зерна и солоноватой воды в своей маленькой кормушке. Он скорбит. Его спутники были отобраны у него один за другим, и больше он их не видел. Но дни его уже сочтены. Мунго, наш черный кок, сказал мне вчера, что судьба бедного Педро решена. Он окажется на столе капитана в следующее воскресенье и задолго до ночи будет похоронен со всеми обычными церемониями под жилетом этого достойного человека. Моряки говорят, что капитан не прикажет повернуть корабль к земле, пока на обед у него будет свежее мясо. Я не хочу зла тебе, Педро; но ты обречен рано или поздно встретить судьбу всего твоего рода; и если конец твоего существования станет сигналом для нашего освобождения, то скажу правду: я хочу разрубить твою гортань немедленно, в этот самый момент! Как бы я хотел снова увидеть землю!

— Ура, братцы! Решено! На следующей неделе мы берем курс на Маркизские острова! Маркизские! Какие странные видения вызывает это название! Обнаженные гурии, пиршества людоедов, кокосовые рощи, коралловые рифы, татуировки и бамбуковые храмы, солнечные долины, засаженные хлебными деревьями, резные каноэ, дикие леса, ужасные языческие обряды и человеческие жертвоприношения.

Таковы были странные смешанные чувства, которые обуревали меня во время нашего перехода через океан. Я чувствовал непреодолимое любопытство и желание увидеть эти острова, которые путешественники в старину описывали столь захватывающе.

Группа островов, к которой мы направлялись, — хотя и принадлежит к самым ранним из открытых европейцами в южных морях, в 1595 году, — по-прежнему населена варварскими существами. Миссионеры достигли этих прекрасных берегов, но вскоре снова оставили их каменным и деревянным идолам. Как интересны обстоятельства, при которых они были обнаружены! На водном пути Менданьи во время его поисков золота эти острова возникли как волшебное видение, и на какое-то мгновение испанец поверил, что его светлая мечта осуществилась.

В честь маркиза де Мендосы — вице-короля Перу, под эгидой которого Менданья совершил плавание, — он даровал островам имя и по возвращении дал миру неопределенный и великолепный отчет об их красоте. Но эти острова, покой которых ничто не нарушало сотни лет, вскоре были забыты; только недавно появились известия о них. Почти каждые полвека какой-нибудь мореплаватель нарушает их покой и, пораженный необычным зрелищем, испытывает соблазн приписать себе честь нового открытия.

Об этих интереснейших островах мало сведений, если не считать незначительного упоминания о них в «Югоморских путешествиях». Кук во время своих неоднократных кругосветных путешествий едва коснулся этих берегов; и все, что мы знаем о них, — это несколько общих описаний.

В течение последних нескольких лет американские и английские суда, занимающиеся охотой на китов в обширных просторах Тихого океана, время от времени заходили в гавань одного из островов; но страх перед туземцами, основанный на воспоминаниях о страшной судьбе, которая постигла многих белых мужчин, удержал их экипажи от общения с населением и сложно было получить какие-либо сведения об их обычаях и нравах.

Протестантские миссии, по-видимому, уже отчаялись отучить жителей этих островов от язычества. Эллис в его «полинезийских исследованиях» описывает некоторые неудачные попытки открыть филиал Миссии на некоторых островах этой группы. Незадолго до моего визита на Маркизских островах произошел случай, о котором я не могу не рассказать.

Бесстрашный миссионер, считая залогом успеха женское влияние, привез на острова свою молодую и красивую жену, первую белую женщину, которая когда-либо посещала эти берега. Островитяне сначала взирали на нее в немом восхищении и, казалось, склонны были рассматривать ее как новое божество. Но через некоторое время, познакомившись поближе с очаровательным созданием, они стали стремиться проникнуть за священную завесу ситца, и их любопытство вышло за пределы хорошего тона и глубоко оскорбило чувство приличия, присущее леди. Их поклонение сменилось презрением, и не было конца оскорблениям, посыпавшимся на нее со стороны дикарей. Нежная дама не была столь кротка, чтобы вытерпеть это, и, опасаясь дальнейших преследований, заставила мужа отказаться от своего предприятия и вместе с ней вернуться на Таити.

ГЛАВА 2

Я никогда не смогу забыть восемнадцать или двадцать дней, в течение которых пассаты уносили нас к островам. В погоне за кашалотом мы шли примерно на 20° западнее Галапагосских островов. Все что нам оставалось делать, когда определился курс, — это, поставив реи поперек судна, держать судно по ветру, а затем хороший корабль и устойчивый ветер довершили дело. Рулевой дремал часами. «Долли» продвигалась вперед, как те, кто делает свое дело хорошо, если его оставляют в покое.

Какое это было восхитительное время! Мы ничего не делали и даже не испытывали желания что-либо делать. Мы спали, ели и валялись под тентом на палубе. Все, казалось, были под влиянием какого-то наркотика. О чтении не было и речи; стоило взять в руки книгу — и вы засыпали в одно мгновение.

Хотя я не мог избежать соблазна и не поддаваться общей истоме, все же время от времени я умудрялся избавляться от наваждения и наслаждаться красотами, окружающими нас. Нежно-голубое небо было окаймленно на горизонте узкой полоской бледных облаков, которые никогда не меняли ни форму, ни цвет. Океанские волны с шумом катились мимо, и рябь сверкала на солнце. Время от времени стайка летучих рыб взвивалась в воздух из воды и в следующее мгновение падала в море серебряной струей. Показывались высокие фонтаны кита, а иногда акула, морской разбойник, посматривала на нас, держась на некотором расстоянии. Порой какое-то бесформенное чудовище, обитатель глубин, плававшее на поверхности, при нашем приближении медленно погружалось в синие воды и исчезало из виду.